

Снова бесы

У романа «Бесы» — особая судьба не только в истории русской литературы, но и в истории России.

Достоевский написал роман, который стал камнем преткновения для нескольких поколений русских читателей. Сразу после публикации «Бесов» роман отвергла либеральная и революционная интеллигенция, которая осудила его как антиреволюционный и антинигилистический. Постановка романа в 1913 г. на сцене Московского художественного театра вызвала скандал и почти единодушное осуждение в русском обществе. В советские времена судьбу романа определили политики. По их прихоти «Бесы» оказались под своеобразным «запретом»: не было отдельных изданий, но роман можно было прочесть в собраниях сочинений Достоевского. Единственная попытка издания «Бесов», которую в 1935 г. предпринял Л. П. Гроссман, имела печальный исход: набор второго тома был рассыпан, отпечатанный тираж первого тома уничтожен, случайно уцелели несколько экземпляров.

Все понимали, кого Достоевский нарек бесами.

В последние годы «Бесы» доступны каждому, но всё как прежде — лучше не стало.

В девятнадцатом веке русская словесность выразила два архетипа отечественной истории, и оба восходят к Пушкину, к его «комедии о настоящей беде Московскому государству» «Борис Годунов» и стихотворению «Бесы», символический смысл которого угадал Достоевский.

В «Борисе Годунове» поэт раскрыл глубокий конфликт власти и народа, рассказал о странном и страшном исходе русской смуты, когда «народ безмолвствует».

Известна латинская поговорка: *Vox populi vox Dei* («Глас народа — глас Божий»).

А если народ молчит?

Безмолвие — тоже суд народа, глас Божий. После бунта приходит отрезвление, вселяется ужас от содеянного. Народ обескуражен, он отвергает случившееся. Произошло не то, что хотели, вышло не по совести, не по-Божески, несправедливо.

В стихотворении поэт раскрыл бесовскую изнанку бытия, где, как в *мятели*, бесы путают следы, сбивают путников с дороги, водят заблудших в поле и кружат по сторонам.

Достоевский развернул пушкинские метафоры в сюжете романа, перенеся их на русскую историю, на современность, на жизнь: утрата смысла неизбежно ведет к смуте, русскому бунту, финал которого — безмолвие народа.

Вопру раскавычить названия пушкинского стихотворения и романа Достоевского: *снова бесы*.

Кто они?

Название романа возникло не сразу.

Сначала Достоевский задумал другой роман.

Еще не отправлены в журнал «Русский Вестник» окончание четвертой части и заключение романа «Идиот», но автор уже увлечен новым замыслом. 11/23 декабря 1868 г. он пишет А. Н. Майкову из Флоренции:

«Здѣсь-же у меня на умѣ теперь 1) Огромный романъ, названіе ему *Атеизмъ* (ради Бога между нами), но прежде чѣмъ принятись за который мнѣ нужно прочесть чуть не цѣлую библіотеку атеистовъ, католиковъ и православныхъ. Онъ поспѣетъ, даже при полномъ обезпеченіи въ работѣ, не раньше какъ черезъ два года. Лицо есть: Русскій человѣкъ, нашего общества, и въ *лѣтахъ*, не очень образованный, но и не необразованный, не безъ чиновъ, — *вдругъ*, уже въ *лѣтахъ*, теряетъ вѣру въ Бога. Всю жизнь онъ занимался одной только службой, изъ колеи не выходилъ и до 45 лѣтъ ничѣмъ не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человѣкъ и русскій человѣкъ). Потеря вѣры въ Бога дѣйствуетъ на него колоссально. (Собственно дѣйствіе[.] въ романѣ, обстановка — очень большія). Онъ шныряетъ по новымъ поколѣніямъ, по атеистамъ, по славянамъ и Европейцамъ, по русскимъ изувѣрамъ и пустынножителемъ, по Священникамъ; Сильно между прочимъ попадаетъ на крючокъ іезуиту, пропагатору, поляку; Спускается отъ него въ глубину хлыстовщины — и подъ конецъ обрѣтаетъ и Христа и русскую землю, русскаго Христа и русскаго Бога. (Ради Бога не говорите никому; а для меня такъ: написать этотъ послѣдній романъ, да хошь-бы и умереть — весь выскажусь<>). <...> Но покамѣстъ нужно жить! *Атеизмъ* на продажу не потащу (а о католицизмѣ и объ іезуитѣ у меня есть что сказать сравнительно съ православіемъ); Есть у меня идея одной довольно большой повѣсти, листовъ въ 12 печатныхъ и привлечь меня. Есть и еще одна мысль. На что рѣшиться и кому предложить труды?» (ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 68—68 об.)

В этот замысел он посвятил племянницу С. А. Иванову, которой писал 25 января/6 февраля 1869 г.:

«Теперь у меня въ головѣ мысль огромнаго романа, который во всякомъ случаѣ, даже и при *неудачѣ* своей долженъ имѣть эффектъ, — собственно по своей темѣ. Тема — *Атеизмъ*. (Это не обличеніе современныхъ убѣждений, это другое и — поэма настоящая). Это *поневоле* должно завлечь читателя. Требуешь большаго изученія предварительно. Два-

три лица ужасно хорошо сложились у меня въ головѣ, между прочимъ католическаго энтузіаста Священника (въ родѣ St. Francois Xavier¹). Но написать его здѣсь нѣтъ возможности. Вотъ это я продамъ 2^{мѣ} изданіемъ и выручу много; но когда? Черезъ 2 года» (РГБ. Ф. 93.1.6.17. Л. 23 об.).

8/20 марта 1869 г., спустя полтора месяца, он вновь напомнил ей «мысль» романа:

«<...> въ литературномъ дѣлѣ моемъ есть для меня одна торжественная сторона, моя цѣль и надежда, — (и не въ достиженіи славы и денегъ, а въ достиженіи выполненія синтеза моей художественной и поэтической идеи, т. е. въ желаніи высказаться въ чемъ-нибудь, по возможности вполнѣ, прежде чемъ умру). Ну вотъ я и задумалъ теперь одну мысль, въ формѣ романа. Романъ этотъ называется Атеизмъ; мнѣ кажется я весь выскажусь въ немъ. И представьте-же другъ мой: писать его здѣсь я не могу; для этого мнѣ нужно быть въ Россіи непременно, видѣть, слышать и въ Русской жизни участвовать непосредственно; надо наконецъ писать его два года. Здѣсь-же я этого не могу и потому долженъ писать другое. Все это дѣлаетъ мнѣ все дальше и дальше жизнь за границей несносною» (РГБ. Ф. 93.1.6.17. Л. 27).

15/27 мая 1869 г. он еще раз вернулся к этому замыслу в письме А. Н. Майкову:

«Писаль я Вамъ, или нѣтъ о томъ что у меня есть одна литературная мысль (романъ, *притча объ Атеизмѣ*), предъ которой вся моя прежняя, литературная карьера — была только дрянь и введеніе и которой я всю мою жизнь /будущую/ посвящаю? Ну такъ мнѣ вѣдь нельзя писать ее здѣсь; никакъ; непременно надо быть въ Россіи. Безъ Россіи не напишешь» (ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 75 об.).

Полгода Достоевский был сосредоточен на обдумывании романа, который он так и не написал.

«Атеизм» — необычное, явно нероманное название. На эту тему впо-ру писать ученый трактат, но не художественное сочинение. У Достоевского это «поэма», «притча», «роман».

Замысел не случаен. Писатель полагал атеизм причиной многих неурядиц, которые случились с человеком, Россіей, человечеством; считал безверие болезнью души современнаго человека, сомнение и нигилизм — типичным свойством русской души. С одной стороны, «идеаль народа — Христосъ» (ДП80, 23), с другой — бесплодность душевнаго состоянія образованнаго человека, который ни во что не верит, который свободен только в своем подполье. Атеизм был радикальным выраженіем нигилизма, нигилизм же — следствием кризиса идеала и идей.

¹ Святой Франциск Ксаверий (7 апреля 1506, Хавьер, Наварра — 2 декабря, 1552, остров Шанчуаньдао, Китай) — один из основателей ордена Иезуитов, успешный миссионер Римско-католической церкви, обративший к христианству многие народы Юго-Восточной Азии, Индии, Японии, Китая.

Как говорят в подобных случаях, к этому роману Достоевский шел всю жизнь. Писатель признавался, что его всегда мучил вопрос о существовании Бога; и чем больше было аргументов против, тем сильнее была вера. Он знал цену своей проповеди, когда говорил о главах романа «Братья Карамазовы» «Бунт» и «Великий инквизитор»:

«И въ Европѣ такой силы атеистическихъ *выражений* нѣтъ и не было. Стало быть не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и его исповѣдую, а черезъ большое *горнило сомнѣній* моя *осанна* прошла, какъ говорить у меня—же, въ томъ же романѣ чортъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.17. С. 56).

На время замысел пришлось отложить.

Достоевский должен был отвлечься на выполнение срочного заказа для журнала «Заря»: летом он был поглощен обдумыванием и разработкой плана рассказа «Вечный муж»; много сил отнял переезд семьи из Флоренции сначала в Прагу, а потом в Дрезден; с сентября по декабрь Достоевский писал рассказ.

Лишь после завершения рассказа в его записных тетрадях снова появляются черновые наброски, в которых замысел романа «Атеизм» трансформировался в цикл романов и повестей «Житие великого грешника».

Название нового замысла звучит как оксюморон: житие — агиографический жанр, повествование о жизни святого, а здесь герой — великий грешник. В набросках, первый из которых датирован 8 / 20 декабря 1869 г., Достоевский рассказывает жизнь молодого человека, который был вовлечен в преступления, сознал себя великим грешником, раскаялся, исправился, стал праведником. Как это случилось — в ответе на этот вопрос и заключен художественный интерес. По убеждению Достоевского, это возможно — Евангелие свидетельствует: Савл стал Павлом.

Такого произведения Достоевский не написал, но из этого замысла выросли поздние романы Достоевского: «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Обдумывая форму и «мысль» романа «Атеизм», составляя план «Жития великого грешника», Достоевский одновременно разрабатывал еще несколько творческих идей. В его записных тетрадях есть планы и наброски сцен и характеров произведений разных жанров: «Картузов», «Роман о Князе и Ростовщике», «Рассказ о воспитаннице», «Смерть поэта». В них возникают и уже живут, иногда дwoятся и множатся образы героев будущего романа, обозначены типы и характеры, названы вымышленные и реальные, еще нероманные имена: Картузов, Князь, Воспитанница, Учитель, Красавица, Грановский, Отец—эстетик, Студент, Шатов, Хромоножка, Кулишов, Поэт, Доктор—нигилист, Попик, Атеист, Раскольник, Архиерей, отцы и дети. Они еще не те, что в «Бесах», но уже узнаваемы.

К известным замыслам нужно добавить еще один, который почему-то не учитывают исследователи. В начале шестидесятых годов писатель вернулся к мысли о переработке «неудавшейся» повести «Двойник».

В его набросках появились записи, в которых Достоевский осмысливал историю Французской революции, свой опыт участия в «заговоре Петрашевского» и идеи современных социалистов.

Старший Голядкин мечтает с младшим «сдѣлаться Наполеономъ, Перишомъ, предводителемъ русскаго возстанія. Либерализмъ и революція возстановляющая со слезами Louis XVI и слушающаяся его (отъ доброты)» (РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 63).

Голядкин не только мечтает стать предводителем русского восстания, «возстановить» на троне казненного Людовика XVI, но и сочиняет «проектъ о благоденствіи Россіи», он взволнован слухами о появлении в городе «разбойника» Гарибальди, «вступающаго въ прогрессисты»; в его сознание проникают революционные идеи:

«Кислородъ и водородъ перевертываютъ ему голову. Нѣтъ болѣе Всевышняго Существа»

Голядкин «сближается съ почвой у писарей», знакомится с Петрашевским, видит, как «тотъ читаетъ дворнику и мужикамъ своимъ систему Фурье и увѣдомляетъ его, что этотъ донесетъ». Старший подозревает младшего в готовности предать:

«Младшій говоритъ рѣчи<,> Тимковскій какъ пріѣхавшій. — Система Фурье. Благородны<я> слезы. Обнимаются. Ой донесетъ» (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 17—21)

Провокации, подозрения, неизбежная двойственность стали атрибутами революционного подполья, в котором оказались оба Голядкина.

Достоевский собирался переработать повесть, но не успел. По договору со Стелловским он должен был представить «Двойника» и новый роман (будущий «Игрок») к 1 октября 1866 г. Что было дальше, рассказала Анна Григорьевна. — 4 октября начались диктовки, которые закончились автографом на титульном листе третьего тома первого Полного собрания сочинений Достоевского, куда вошли исправленный «Двойник» и написанный роман: «Анѣ отъ меня въ память о томъ какъ мы вмѣстѣ сочиняли и до чего досочинялись» (РГБ. Ф. 93.1.3.50).

Анна Григорьевна выразительно описала, как 1 ноября Достоевский пытался сдать рукопись, как скрывался Стелловский, как кто-то из друзей сообразил и посоветовал, что роман нужно сдать в полицейскую часть под роспись чиновника.

То, что рассказала Анна Григорьевна, на самом деле уже было за несколько дней до их знакомства. В архиве Достоевского хранится расписка дежурного офицера Казанской части:

«Квитанція

1866 года Октября 1го дня. Дана сія отставному подпоручику Федору Достоевскому въ томъ что принято отъ него объявленіе съ приложеніемъ книги его сочиненій подъ названіемъ Двойникъ для передачи купцу Стелловскому, по неизвѣстной причинѣ уклонявшемуся въ пріемъ книги. —

Дежурный Офицеръ при Казанской части Коллежскій ассесоръ <подпись>» (РГБ. Ф. 93.11.3.14).

Документ удостоверяет, что 1 октября 1866 г. Достоевский представил Стелловскому не рукопись, а исправленный печатный текст с публикацией «Двойника» в февральском номере «Отечественных записок» за 1846 г.

У Достоевского не было времени переработать «Двойника» так, как он хотел. Он лишь поправил прежний текст.

Через четыре года он приступил к «Бесам».

Не сразу в планах романа появился политический сюжет.

Нечаев и некоторые детали «нечаевского дела» возникли в набросках идеи «Смерть поэта», судя по всему, в январе 1870 г.:

«Возвратившийся изъ за границы господинъ. <...>

Нечаевъ. Кулишовъ донесъ на Нечаева. (А можетъ и самъ Хозяинъ). <...>

Полиція входитъ и беретъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6 С. 104).

Достоевский узнал об убийстве студента Иванова из русских газет. 27 ноября / 9 декабря 1869 г. «Московские Ведомости» сообщили об обнаружении трупа в пруду Петровского парка. Два дня спустя было названо имя убитого, а имя Нечаева впервые прозвучало 25 декабря 1869 г. / 6 января 1870 г. Учитывая, что русские газеты поступали в Дрезден с опозданием в несколько дней, следует сделать поправку в датах: в декабре 1869 г. писатель узнал о преступлении, в январе 1870 г. — имя убийцы.

Впрочем, еще до преступления автор «Бесов» был посвящен в некоторые обстоятельства событий в Петровской земледельческой академии.

С середины октября 1869 г. в Дрездене жил младший брат жены, шурина писателя, Иван Григорьевич Сниткин, студент академии. То, что случилось в Москве, произошло с его товарищами.

Анна Григорьевна вспоминала:

«*Феодоръ Михайловичъ, всегда симпатизировавшій брату, интересовался его занятіями, его знакомствами и вообще бытомъ и настроеніемъ студенческаго міра. Братъ мой подробно и съ увлеченіемъ разсказывалъ. Тутъ-то и возникла у Феодора Михайловича мысль въ одной изъ своихъ повѣстей изобразить тогдашнее политическое движеніе и однимъ изъ главныхъ героевъ взять студента Иванова (подъ фамиліей (именемъ) Шатова), впоследствии убитаго Нечаевымъ. О студентѣ Ивановѣ мой братъ говорилъ какъ объ умномъ и выдающемся по своему твердому характеру человѣкѣ, /и/ кореннымъ образомъ изменившемъ свои прежнія убѣжденія. И какъ глубоко былъ потрясенъ мой братъ, узнавъ потомъ изъ газетъ объ убійствѣ студента Иванова, къ которому онъ чувствовалъ искреннюю привязанность! Описаніе парка Петровской Академіи и грота, гдѣ былъ убитъ Ивановъ, было взято Феодоромъ Михайловичемъ со словъ моего брата» (РГБ. Ф. 93. III. 1.1 Л. 235).*

В лице Ивана Григорьевича Достоевский имел компетентного комментатора событий, под стать хроникеру в «Бесах».

Рассказы шурина, газетные сообщения, личный революционный опыт, творческие замыслы и наброски разных произведений постепенно образовали памфлетный строй будущего романа.

Достоевский не собирался писать о конкретном явлении и человеке: он лично не знал Нечаева, не знал многих подробностей его подпольной деятельности; о них не писали газеты, их не знали следователи, прокуроры и обвиняемые по нечаевскому делу. Некоторые обстоятельства выяснились уже после завершения романа — в судебном процессе самого Нечаева, в мемуарах соратников, в исследованиях ученых.

С. Г. Нечаев — один из деятелей русского революционного движения, который после весенних студенческих беспорядков 1869 г. бежал в Швейцарию, свел знакомство с М. А. Бакуниным и Н. П. Огаревым, в сентябре того же года с мандатом несуществовавшего Русского отдела всемирного революционного союза (не было ни «русского отдела», ни «союза» — подлинна была лишь подпись Бакунина) вернулся в Россию, организовал в Москве подпольную организацию «Народная расправа», главным образом, среди студентов Петровской земледельческой академии.

Нечаевская «Народная расправа» учинила одну «расправу» — убийство студента академии И. И. Иванова, который заподозрил Нечаева во лжи и интригах, усомнился в его полномочиях и отказался от участия в заговоре. Нечаев убедил членов организации в том, что для успеха общего дела необходимо убить Иванова, чтобы тот не донес. Убийство всегда отвратительно. Убийство в жизни было не менее отвратительно, чем в романе. Не принимая внутренние решения Нечаева, сообщники помогли ему убить Иванова; убийцами стали заведующий книжным магазином П. Г. Успенский (прототип Виргинского), известный историк, фольклорист и этнограф И. Г. Прыжов (прототип Толкаченко), надзиратель арестантского дома Н. Н. Николаев (прототип Эркеля), студент академии А. К. Кузнецов. Почти сразу убийство было раскрыто, и «Народная расправа» бесславно прекратила свое существование. 1–15 июля 1871 г. состоялся гласный суд, приговоривший к разным мерам наказания всех участников заговора, кроме сбежавшего Нечаева, который в 1872 г. был выдан России швейцарскими властями, осужден на 20 лет каторжных работ и заточен в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Некоторое время спустя ему удалось распропагандировать охрану; он готовил побег, был предан; умер от водянки 21 ноября 1882 г. — день в день, ровно через тринадцать лет после убийства им студента Иванова.

От Нечаева отреклись либеральные народники. В нем разочаровались те, кто возлагал на него надежды (Н. Огарев, М. Бакунин, А. Герцен).

Им восхищался Ленин, считал его «титаном революции»:

«Совершенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос — “Кого же надо уничтожить из царствующего дома?”, Нечаев дает точный ответ: “Всю большую ектению”. Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или иным причинам, бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царский дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь Дом Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»²

Солидарность и единодушие вождей подтверждена их делами.

С неукротимой энергией Нечаев разжигал недовольство, обострял конфликты, устраивал провокации, стремился к власти, чтобы ввести свой порядок, свою «справедливость».

То, что о революции писал Нечаев, тривиально — экстремальным был его радикализм. Вот некоторые постулаты. Кто не готов отдаться революции до самоотречения, тот обречен стать жертвой. Чем больше жертв, тем лучше. Народ — лишь чернорабочий люд, все должны физически трудиться. Кто не работает, тот не ест (буквально). Кто не с нами, тот против нас. Якобинцы и их последователи отрицали сословную мораль — Нечаев отбросил любую мораль. Он был нетерпим к чужому мнению и возражениям, был готов пойти не только на смерть, но и убивать и обрекать на смерть других людей; он интриговал, предавал. Его деятельность способствовала арестам тех, кому рассылали нелегальные издания. Некоторые подозревали, что Нечаев делал это намеренно, чтобы усилить недовольство правительством в обществе, считали его провокатором и тайным сотрудником III Отделения.

Как у многих революционеров, у Нечаева было мифологическое мышление: он отождествлял сознание и действительность, верил в то, что измыслил, — он сочинял реальность. Он почти никогда не говорил правду, почти всегда лгал, был искренен во лжи. Патологический лжец, он рассказал фантастическую историю, как проходили аресты после убийства студента Иванова. Какие представления навязывал своим читателям Нечаев? Власть незаконна, жандармы убивают и насилуют. Сам Нечаев скрылся в Швейцарии, но в изданной там брошюре он писал, что его «арестовали» в Тамбове, без следствия и суда отправили в Нерчинские рудники, дней через десять за Пермью по пути на каторгу задушили

² Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин о художественной литературе // Тридцать дней. 1934. № 1. С. 18.

жандармы по личному приказу Мезенцова. В фантазии Нечаева жена Успенского умерла в родовых муках во время обыска жандармов, которые не пустили к ней никого, даже повивальную бабку; двух находившихся под арестом ее сестер изнасиловал «на днях какой-то третьеоф-дльенческій ловелась» и т. п.³ Он всё придумал. На самом деле жена арестанта благополучно разрешилась от бремени, ребенок был жив, никто никого не насиловал и т. п. Зачем этот бред? В таком же духе Нечаев сочинял небылицы о своих нелегальных подвигах.

Прав Б. Ф. Егоров: «...реальная жизнь Нечаева демонстрирует такие бездны, что теперь можно бы упрекать писателя в некотором приглаживании—приукрашивании темных сторон действительности...»⁴.

Достоевский мало что знал о реальном Нечаеве и понимал, что всеведение невозможно. Об этом он писал, отправляя первые главы в «Русский Вестник» Каткову:

«Спѣшу оговориться: Ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убійства я не знаю и совсѣмъ не знаю, кромѣ какъ изъ газетъ. Да еслибъ и зналъ, то не сталъ-бы копировать. Я только беру совершившійся фактъ. Моя фантазія можетъ въ высшей степени развиться съ бывшей дѣйствительностію и мой Петръ Верховенскій можетъ нисколько не походить на Нечаева; но мнѣ кажется, что въ пораженномъ умѣ моемъ создалось воображеніемъ то лицо, тотъ типъ, который соотвѣтствуетъ этому злодѣйству» (ИРЛИ. Ф. 160.1.52 Л. 4—4 об.).

Среди осужденных по «нечаевскому делу» был и один из будущих хулителей «Бесов» П. Н. Ткачев, заявивший в статье «Больные люди», что в этом романе «окончательно обнаруживается творческое банкротство автора «Бѣдныхъ людей»: онъ начинаетъ переписывать судебную хронику, путая и перевирая факты, и наивно воображаетъ, будто онъ создаетъ художественное произведение», сам роман — «плохое олицетворение одного старого стенографического отчета»⁵ (не такого, впрочем, и «старого»: процесс состоялся в июле 1871 г., статья в журнале «Дело» вышла весной, в марте—апреле 1873 г., незадолго до побега Ткачева из ссылки в Швейцарию). Что стоит за этой критикой — неискренность и озлобление одного из уличенных «бесов» или недовольство очевидца, не узнавшего в романе детали знакомых событий?

На сей счет автор «Бесов» дал исчерпывающие разъяснения в декабрьской статье «Дневника Писателя» за 1873 год. Соглашаясь с мнениями некоторых «изъ нашихъ критиковъ», Достоевский писал: в его ро-

³ См.: Издания Общества «Народной Расправы». Зима 1870. № 2. С.—Петербург [Женева]. С. 1—2.

⁴ Егоров Б. Ф. Слово к читателю // Лурье Ф. М. Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001. С. 9.

⁵ П. Н. <Ткачевъ П. Н.> Больные люди. «Бѣсы», романъ Федора Достоевскаго, въ трехъ частяхъ. СПб., 1873 // Дѣло. 1873. № 3. С. 160—161; № 4. С. 369.

мане он лишь «воспользовался фабулой известнаго Нечаевского дѣла»; у него нет «собственно портретовъ или буквальнаго воспроизведенія Нечаевской исторіи»; «взято явленіе», он «попытался лишь объяснить возможность его въ нашемъ обществѣ, и уже въ смыслѣ общественнаго явленія, а не въ видѣ анекдотическомъ, не въ видѣ лишь описанія московскаго частнаго случая» (Гр. 1873. 10 декабря. № 50. С. 1349).

Достоевский отмечал в подготовительных материалах: «...Нечаевъ самъ по себѣ все таки *случайное* и *единоличное* существо» (РГБ. Ф. 93.1.1.5. Л. 48 об.).

В Нечаеве писателя интересовала типичность — *нечаевщина*: «Я хотѣлъ, — продолжал Достоевский в декабрьском «Дневнике Писателя», — поставить вопросъ и, сколько возможно яснѣе, въ формѣ романа, дать на него отвѣтъ: какимъ образомъ въ нашемъ переходномъ и удивительномъ современномъ обществѣ возможны — не Нечаевъ, а *Нечаевы*, и какимъ образомъ можетъ случиться что эти *Нечаевы* набираютъ себѣ подъ конецъ Нечаевцевъ?» (Гр. 1873. 10 декабря. № 50. С. 1349).

Как Нечаевы искушали Нечаевцев, большого секрета нет: возбуждение смуты, плетение интриг, развязывание инстинктов толпы, поправление святынь, глумление и кощунство, «нас обманули», «найди врага», «чем хуже, тем лучше», «разделяй и властвуй», «все позволено», «цель оправдывает средства» и т. п. Для тех, кто думал о «высоком и прекрасном», — это искушение идеей «всеобщаго счастья» и обещание чуда любой ценой: принуждением, насилием, даже кровью; это и искушение непереносимой для многих мечтателей мыслью о том, что они могут не успеть, опоздать, их могут не взять в светлое будущее, и т. п.

Рецепты этой политической «кухни» известны.

Роман Достоевского — о другом.

Писатель объяснял:

«...я попытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразныя мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди могутъ быть привлечены къ совершенію такого же чудовищнаго злодѣйства. Вотъ въ томъ-то и ужасъ что у насъ можно сдѣлать самый пакостный и мерзкій поступокъ, не будучи вовсе иногда мерзавцемъ!» (Гр. 1873. 10 декабря. № 50. С. 1351).

Роман предупреждает об этой опасности превращения «чистейших сердцем и простодушнейших людей» в «бесов». Достоевский разглядел в «нечаевщине» симптом опасной «болезни» в общественном сознании. Эта «болезнь» — политический авантюризм и экстремизм, который уже не рядится в благородные одежды, а разводя мораль и политику, не гнушается безнравственными средствами — во имя «всеобщаго счастья», «благой цели», а то и просто «будущего». В романе эта «болезнь» проявилась в соучастии «немерзавцев» в политическом душегубстве — убийстве по подозрению, связавшем их круговой порукой «на крови».

Достоевский написал антиреволюционный роман.

Критики, либералы и революционеры, сразу объявили, что Достоевский оклеветал «новых людей», молодое поколение: нет таких дел и таких людей; автор — сумасшедший, пишет о больных людях, дописался «до чертиков». Одни видели в романе стенографический отчет «известного процесса», другие упрекали, что Достоевский переврал обстоятельства и подробности «дела»⁶.

Достоевский знал, что такое революция и кто такие революционеры. Он как никто проник в сущность этого явления.

Он знал и помнил историю Французской революции.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс еще не издали свой «Манифест коммунистической партии» (1848), но этой же азбуке революции учил молодых литераторов Белинский, который посвящал их в тайны нового учения:

«Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія челоуѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго “обновленнаго міра” и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ» (Гр. 1873. 10 декабря. № 50. С. 1351).

Достоевский спорил с Белинским, но и сам не устоял, поддался искушению, участвовал в «заговоре Петрашевского».

«Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства; о безнравственности права собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ къ тормазу во всеобщемъ развитіи, и проч., все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія. Во всякомъ случаѣ тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашнихъ господствовавшихъ понятій — а это-то и соблазняло» (Гр. 1873. 10 декабря. № 50. С. 1351).

Достоевский знал логику революций: сначала «убеждения», затем «идеи» (отрицание религии, морали, патриотизма, семейства, частной собственности), в конце — их исполнение: разрушение и уничтожение государства, церкви, сословий, врагов.

Достоевский понимал настроения и устремления западных и отечественных радикалов. Он знал Герцена и Огарева, Чернышевского и мно-

⁶ Обстоятельный обзор критических отзывов о романе См.: Захарова О. В. Спор с Достоевским о «Бесах»: Проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10. Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков : Цитата, реминисценция, мотив, жанр. Вып. 7. Петрозаводск, 2012 С. 144–163.

гих «коноводов» радикальной петербургской молодежи. Он знал, кто на что готов решиться. Он видел, как бесили молодежь. Один из бесов, скрывшийся под псевдонимом «Русскій Человѣкъ», требовал от Герцена: «Къ топору зовите Русь». ⁷ К убийству «всего дома Романовых» призывал в своей прокламации «Молодая Россия» П. Заичневский (1862).

Когда выросли зерна революционных идей?

Атеист М. Бакунин восхвалял Сатану, видя в нем «вечного бунтовщика, первого свободного мыслителя и эмансипатора миров»:

«Он пристыдил человека за его невежество и скотскую покорность; он эмансипировал его и наложил на его лоб печать свободы и человечности, толкая его к непослушанию и вкушению плода знания». ⁸

И всё же почти все революционеры вели свое родословие от Французской революции, которая сначала провозгласила «Свободу, Равенство, Братство», но вскоре прибавила к лозунгу: «...— или смерть».

Так принципы 1789 г. обернулись противоположностью: начались казни, в которых сгинули и те, кто эти казни развязал.

Их иллюзорность Достоевский раскрыл в «Зимних заметках о летних впечатлениях»:

«Что такое *liberté*? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда имѣешь миллионъ. Даетъ ли свобода каждому по миллиону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ миллиона? Человѣкъ безъ миллиона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все что угодно. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Чтожъ остается изъ формулы? братство. Ну, эта статья самая курьёзная и надо признаться до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человѣчества и недогадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности» (Θ. Д. V, 99).

Достоевский объясняет, почему «не выходит братства» и «что делать».

Эти рассуждения — *откровение Достоевского*:

«...въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не Я, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ остальнымъ, а все-то это *остальное* должно бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному Я и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному что есть на свѣтѣ. Мало того, сама—

⁷ Колоколь. 1860. 1 марта. С. 535.

⁸ Бакунин М. А. Бог и государство. // Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 448.

то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но напротив отдать его обществу безъ всякихъ условий. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ бою, она требуетъ права, она хочетъ *дѣлиться* — ну и не выходитъ братства. Конечно можно переродиться? Но перерождение это совершается тысячами, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобы стать дѣйствительностью. Чтожъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобы быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ непринужденное самопожертвование всего себя въ пользу всѣхъ есть помоему признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобы и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну вотъ и надобно, чтобы я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобы отдавать все и даже желать, чтобы тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобы на тебя никто ни въ чемъ не изубыточился. Какъ же это сдѣлать?» (Там же. С. 100—101)

Ответ Достоевского:

«...чтобы было братское, любящее начало, — надо любить. Надо чтобы самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплемениковъ, однимъ словомъ, чтобы потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобы онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, еслибъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобы каждая отдѣльная личность сама, безо

всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуйста располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось». А братство напротивъ должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болить сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны; будь же вполне спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ.

Послѣ этого разумѣется ужъ нечего дѣлиться, тутъ ужъ все само собою раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится» (Там же. С. 101—102).

Принципы Достоевского отрицаютъ принципы 1789 г.

Излагая сюжет «Бесовъ», авторъ отметилъ в письме Каткову от 8/20 октября 1870 г., что в романе три ключевыхъ героя: два злодея и праведник. Первый злодей, «наполовину комическій», — Петр Степановичъ Верховенскій. Второй, трагическій, — Николай Ставрогин. Светлое лицо — Тихон: «Идеаломъ такого лица беру Тихона Задонскаго. Это тоже Святитель, живущій на покоѣ въ монастырѣ. Съ нимъ сопоставляю и свожу на время героя романа. Боюсь очень; никогда не пробовалъ; но въ этомъ мірѣ я кое что знаю» (ИРЛИ. Ф. 160.1.52. Л. 5).

В подпольной деятельности Петр Степановичъ — главный заговорщик, но он — «мелкій бес». У него нетъ «великой идеи», нетъ идеала, есть лишь политическая целесообразность. Подъ стать герою и «говорящая» фамилия — Верховенскій. О себе он говоритъ с циничной откровенностью: «Я мошенник, а не социалист». Действительно, «социализмъ» былъ для него лишь средствомъ достиженія цели. Его «демон» — власть. Власть полная, безграничная и вожденная — надъ жизнями, мыслями и чувствами людей. Ради этого онъ готовъ на всё. Конечно, Петр Степановичъ не служитъ в охранномъ отделеніи, какъ заподозрилъ Ставрогин, а самъ Верховенскій это не опровергъ; онъ — провокаторъ не столько в прямомъ, сколько в переносномъ смысле. Онъ искусно плететъ интриги, впутывая в заговоръ «нашихъ» и губернскіе власти. Плоды его деятельности: скандалъ во время сборища, трупы и пожары во время «праздника», «расправа» надъ Шатовымъ, вызвавшая цепную реакцію другихъ смертей

(Кирилова, Лизы Дроздовой, Федьки Каторжного, жены Шатова и ее новорожденного младенца, Степана Трофимовича и Ставругина).

Он — недостойный сын своего отца, хотя и плоть от плоти, дух от духа его. Впрочем, образ мыслей и действий Петра Степановича — логическое развитие либерального идеализма сороковых годов, воплощенного в личности, характере и судьбе отца, Степана Трофимовича Верховенского.

«Отцы и дети» — *родная* и излюбленная тема русской литературы. Она разработана в комедии Грибоедова «Горе от ума» в конфликте Чацкого с «фамусовским обществом» — «века нынешнего» с «веком минувшим». Чуть позже Лермонтов в своей «Думе» предрек тот знаменательный конфликт двух поколений, который стал предметом изображения в известном романе Тургенева. Собирался писать роман «Отцы и дети» и Достоевский, но не написал, хотя как сказать — начиная с «Бесов», проблема «отцов и детей» ставилась и была разработана в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы», в «Дневнике Писателя».

В «Бесах» — это одна из ключевых проблем.

Как-то незаметно, само собою, либерал и благодушный ценитель возвышенного и прекрасного Степан Трофимович утратил былые идеалы и превратился в приживальщика генеральши Ставругиной, озабоченного не столько «мировыми вопросами», сколько тем, как бы не оказаться подставным мужем — невзначай не жениться на «чужих грехах». Лишь перед смертью он сознает свое человеческое падение («всю жизнь лгал») и несбывшееся гражданское назначение.

Петр Степанович ни во что не ставит сентиментальное прекраснотворение отца. Политический авантюрист откровенно презирает «эстетические» теории Фурье и Кабе. Он ищет идеи, которые могут привести его к власти.

Он знает пропагандистские цели революций («вещать народу Братство, равенство, свободу») и их реальный смысл:

Порѣшить въ конецъ боярство,
Порѣшить совсѣмъ и царство,
Сдѣлать общими имѣнья
И предать на вѣки мшенью
Церкви, браки и семейство —
Мира стараго злодѣйство! (С. 333)

В этой пародии Достоевский выразил то, что не смог автор агитационного стихотворения Н. Огарев.

Петр Степанович следует этой программе, но когда в орбиту его влияния попадает Шигалев, он живо схватывает парадоксы сумасшедшего философа, он вдохновлен подменой свободы деспотизмом, подавлением гениальности и торжеством посредственности, обезличением человека и превращением народа в рабов, разделением человечества на две неравные части: одну десятую и девять десятых. Одна десятая должна получать высшее развитие, а девять десятых — потерять лич-

ность и обратиться в стадо, стать рабами. Это бесчеловечная теория, которая делит людей на необыкновенных и обыкновенных, как у Раскольникова, на классы и номенклатуру, как в нашем недавнем прошлом, на элиту и неэлиту — как сейчас.

«Бесовство» Петра Степановича — оборотная сторона административного уклада жизни. Как ни парадоксально, отрицая власть, он возделает власть ради самой власти.

Одержимы не только те, кто принадлежит революционному подполью.

У каждого — свои бесы.

Губернатор фон Лембке одержим *«административным восторгом»*. Он простодушно убежден, что властвует и управляет губернией, что все дела вершатся в канцеляриях, что их успех зависит от воли и усердия чиновника, что все в жизни устраивается по циркулярам и распоряжениям. Он живет в иллюзорном мире и сходит с ума, когда во время пожара прозревает, что стихия не подчиняется приказам, его попытки вмешаться в ход событий производят суматоху и беспорядок. Столь же безуспешна в исполнении своих желаний благодетельствовать общество и Юлия Михайловна, пытавшаяся осуществить предназначение, начертанное Гоголем в главе «Что такое губернаторша» из «Выбранных мест из переписки с друзьями». Герои бесят и бесятся: интригуют, завидуют, ревнуют, унижают и ненавидят друг друга. Кирилов одержим идеей стать богом, Лебядкин хитрит, Кармазинов тщеславится своим «величием».

Каким «бесом» одержим Ставрогин?

В отличие от многих, Ставрогин не знает не то, что ему делать, а то, каким ему быть. Он «ни холоден, ни горяч». У него нет *своих* идей. Он — герой без лица. В его характере нет выражения определенной духовной сущности. Его лицо превратилось в маску, красивую, обольстительную, но безжизненную и, как заметил хроникер, отвратительную.

Ставрогин давно поставил себя выше добра и зла. Это его исходная и удобная позиция в жизни. Он «постиг свою оторванность от почвы», достиг уже предельного отчуждения от мира и людей, стал богом самому себе.

Ставрогин преступен, но его преступления совершены не из корысти, хотя в исповеди и был рассказ о постыдной краже тридцати двух рублей у бедного чиновника. Ставрогин наслаждается своими падениями, находя в них прелесть греха. Он испытывает себя, пределы своей человечности, и не только себя, но и других, искушая себя властью над мыслями и чувствами других людей.

В его душе скрыт Мефистофель.

Когда-то он поставил философский эксперимент: увлек Шатова идеей «русского Бога», русского Христа, великого назначения русского

народа. Кирилову он внушил атеистические мысли, которые приняли вид парадоксальной теории логического самоубийства.

Сын бывшего крепостного Ставрогиных, Шатов получил хорошее образование, знает несколько иностранных языков, но он же страдает от того, что он, русский по рождению, сознает себя «нерусским», мучается «исканием Бога»; на прямой же вопрос Ставрогина, верует ли тот в Бога, признается, что «будет веровать в Бога». Для него вера в Бога — надежда единения с миром, народом, Россией.

Смертелен и самоубийствен логический вывод Кирилова из атеистических внушений Ставрогина. В теории Кирилова очевиден ее антихристианский смысл. Христос был Богочеловеком, Кирилов возмечтал стать человекобогом. Кирилов рассуждает: чтобы стать богом (а боги бессмертны), необходимо преодолеть страх и боль смерти в самоубийстве. Несмотря на декларативный атеизм, он не прочь зажечь лампаду перед иконой, поставить свечку Богу. О степени «приближения» Кирилова к своей безбожной идее «человекобога» красноречивее всего свидетельствует безобразная сцена самоубийства, когда по давнему уговору Верховенский приходит за жизнью Кирилова, чтобы его предсмертной запиской прикрыть убийство Шатова. В предсмертной игре с Верховенским в «кошки-мышки», игре с жизнью и смертью, Кирилов не только не приобретает божественного, но утрачивает и человеческий облик.

Ставрогин лишь наблюдает, кто кем станет и что будет, — не вмешиваясь, он следит за судьбами Шатова и Кирилова. Таков его опыт познания, который он, соглядаятай, ни во что не ставит: это премудрое знание ничего не дает ему — лишь убеждает в бессмысленности жизни. Для него и собственная жизнь стала самоубийственным экспериментом. Все, кого он привлекает и обольщает, гибнут. Он не может дать им ничего, душа его мертва. Эта правда открылась жене Шатова и Лизе Дроздовой. За его душой ничего нет: ни идей, ни идеалов, ни веры в Бога, ни любви. Свое неверие он проецирует на внешний мир. «Если Бога нет, все позволено», но как раз в этом не уверен герой и ставит свой убийственный эксперимент над Шатовым и Кириловым, предпринимает попытку исповеди.

Ставрогин давно поставил себя выше людей и выше Бога: прежде философского были моральные эксперименты. Один из них раскрыт в исповеди Ставрогина из неопубликованной главы «У Тихона», отвергнутой редакцией «Русского Вестника» по ханжеским соображениям. Сам Ставрогин сознается в растлении малолетней Матрешки, совершенном им в здравом уме, по трезвому и холодному расчету, в том числе и для того, чтобы выяснить, может он остановиться или нет, и, выяснив, что может остановиться, совершает постыдное и «некрасивое» преступление, которому нет искупления — в этом убедился сам Ставрогин, обрекая себя на «истребление». Как метко угадал Шатов, этот и другие

подобные поступки Ставрогина совершены «по сладострастию нравственному»: позорная для «принца Гарри» женитьба на спор на полоумной хромоножке Марье Лебядкиной, проведение одного из старейшин Дворянского клуба Гаганова по зале за нос, укушение губернаторского уха, дуэль с сыном Гаганова, во время которой Ставрогин трижды вставал под выстрел противника и трижды стрелял в воздух.

Исповедь была задумана Ставрогиным как акт покаяния — желанного нравственного возрождения, но она коробит бывшего архиерея Тихона: это циничная исповедь, к тому же рассчитанная на публичное признание. Тихон пронизательно разглядел в ней прежде всего бравату — презрительный вызов общественному мнению. Задуманное Ставрогиным — антихристианский акт: христианское покаяние — это таинство, интимный, а не публичный поступок.

Тихон угадал, что Ставрогин стоит на грани нового срыва: накануне, казалось бы, возрождения он готов к «новому и еще сильнейшему преступлению». Тихон разглядел «беса» в душе Ставрогина — подстрекательного беса неверия («гаденького», «золотушного» — по признанию самого героя).

Так и случилось. Признавшись публично, что Марья Лебядкина его законная жена, Ставрогин ничего не делает, чтобы остановить услужливое рвение Петра Верховенского, готового на свой лад освободить «Ивана-Царевича» от семейных уз. Ставрогин мог предотвратить гибель Лебядкиных, но не сделал этого.

Ставрогин сам не убивает, но на нем лежит моральная ответственность за многие смерти в романе. Он беснуется с Федькой Каторжным: тот просит задаток на будущее убийство Лебядкиных, а Ставрогин разбрасывает по грязи мелкие бумажные деньги — двусмысленный и зловещий жест: вроде бы не сговаривается, но и отказа нет. Он мог, но не предотвратил убийство Шатова, вызвавшее цепной реакцией самоубийство Кирилова, смерть от послеродового осложнения неверной жены Шатова, своего и ее ребенка. Гибнет Лиза, в которую влюблены все, кто мог влюбиться в романе, но она увлечена Ставрогиным. Несказанный ужас ее «законченного романа» со Ставрогиным заключается в том, что после их роковой ночи на фоне пожаров и убийств она не хочет жить. Ее влечет к смерти вина Ставрогина — она и растерзана мстительной толпой как «ставрогинская». И сам Ставрогин, тщательно готовивший свой отъезд в Швейцарию с «сиделкой» Дашей, в конце романа висит на чердаке «за дверцей». Жирно намыленный шелковый шнурок, «заранее припасенный и выбранный», — самосуд Ставрогина. Его самоубийством завершается «изгнание бесов» в сюжете романа.

Таков исход его «проб»: неверие и отрицание неминуемо влекут его к смерти. Так романная судьба Ставрогина развивает сатирическую тему Петруши Верховенского. Их «принципы» враждебны «живой жизни»:

их нигилизм несет в себе разрушение и смерть другим, их жизнь обращена на уничтожение самого себя — сначала души, затем и плоти.

До недавнего времени немногие критики замечали повествователя в романе. Ситуация изменилась после работ Ю. Ф. Карякина, в которых исследователь, опираясь на наблюдения предшественников, придал исключительное значение образу и характеру повествователя в романе⁹, «господину Г-ву», Антону Лаврентьевичу. «Бесы» — его роман, он — автор, повествователь, хроникер, один из героев случившейся истории. О нем почти не находится слов, когда его нужно представить кому-либо из важных лиц. Самым многословным стало представление Липутина, который так отрекомендовал хроникера капитану Лебядкину: «...господинъ Г-въ, классическаго воспитанія и въ связяхъ съ самымъ высшимъ обществомъ молодой человѣкъ» (С. 116). Антон Лаврентьевич подчеркнута негениален, обычен, можно даже сказать — зауряден, не замечен в светском обществе, скромен, безлик, но не безличен. Он один из немногих, кто устоял и не вошел в заговор. Он где-то служит, искренне привязан к Степану Трофимовичу, безответно влюблен в Лизу, может резко возразить Петру Степановичу, его ироничным взглядом увидены герои и события романа. Это не Достоевский, а «неизвестный» — субъект со своим мнением, своим словом, своим характером.

По поводу «Записок из Мертвого Дома», в которых использован подобный поэтический прием, Достоевский писал: «Личность моя исчезнет. Это записки неизвестнаго; но за интересъ я ручаюсь» (РГАЛИ. Ф. 212.1.36. Л. 7). Такой эффект есть и в «Бесах». В выборе автором повествовательной маски есть художественный умысел. Достоевский стремился не к авторскому проявлению личности повествователя, а к типическому проявлению его духовных и нравственных качеств. Он один из многих — такой, как все. Чаще всего читатель не замечает хроникера, но его глазами увидена, его словами рассказана эта история. Ему ясен идеал, тверда его вера, трезв и проницателен анализ.

Иногда Антона Лаврентьевича ругают за то, что он чуть ли не обыватель, недалек и невзрачен, и сам роман явно ему не по уму. Эти оценки несправедливы, хотя кое-что входило в замысел Достоевского. Несправедливо отношение к хроникеру как к обывателю. Взгляд Антона Лаврентьевича на то, что случилось в романе, не обывательский, а пророческий. Он прошел все искушения — и устоял. Именно ему доверен духовный опыт и мужество познания, обретенного автором.

Хроникер — важный социальный тип. В русской литературе он сродни пушкинским «литераторам»: Петру Андреевичу Гриневу и Ивану Петровичу Белкину. Гениальное открытие Пушкина в том и состоит, что он явил русскому читателю этот коренной тип национального характе-

⁹ Карякин Ю. Ф. Зачем Хроникер в «Бесах»? // Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989. С. 243–319.

ра. Из таких людей, как Петр Андреевич Гринев, Иван Петрович Белкин, Антон Лаврентьевич Г-в, и состоит народ: вокруг них образуется нация. Они не восприимчивы к бесовству и бесовщине.

Антону Лаврентьевичу Г-ву даровано и духовное прозрение, и художественное откровение. «Бесы» — его хроника, его записки. Для себя и для будущих поколений. Хроникер не только свидетель и участник событий, но и их суровый судья и, может быть, первый исцелившийся в человечестве. Акт исцеления — создание «хроники».

Верховенский, Ставрогин, хроникер — в такой последовательности даны три ступени романного восхождения к истине, что соответствует, в свою очередь, трем кругам ее познания: сатирическому, трагическому, апокалиптическому (иначе говоря, пророческому: в переводе с греческого языка апокалипсис — «откровение»).

А. Г. Достоевская вспоминала, что название романа «послужило для приходивших покупать книгу поводом называть ее выдававшей книги девушке различными именами: то называли ее «вражьей силой», иной говорил: «Я за «чертями» пришел», другой: «Отпустите мне десяточек «дьяволов»». Старушка-няня, слыша часто эти названия романа, даже жаловалась мне и уверяла, что с тех пор, как у нас завелась на квартире «нечистая сила» («Бесы»), ее питомец (мой сын) стал беспокойнее днем и хуже спит по ночам» (*Достоевская А. Г.*, 251). Конечно же, ситуация комичная и двусмысленная: Достоевский писал не о «чертях», а об одержимых людях.

Название романа — метафора. Впрочем, в ней заключен не только переносный, но и символический смысл.

Достоевский сознательно стремился к созданию в романе символических значений. На это указывает ряд примечательных деталей.

Убийство студента Иванова Нечаевым произошло 21 ноября 1869 г. Достоевский переносит время действия в романе на сентябрь и октябрь, приурочив художественный календарь к символическому русскому церковному календарю: события происходят на фоне знаменательных праздников Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября), Воздвижения Креста Господня (14 сентября), Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября).

Церковным календарем и обстоятельствами повседневной религиозной жизни героев вызваны их беседы о Богородице в первой части романа (в первую очередь, это разговор Марьи Лебядкиной с Шатовым в главе «Хромоножка»). Одним из мест действия романа является «ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замѣчательную древность въ нашемъ древнемъ городѣ» (С. 307), — у врат этой церкви совершено «одно безобразное и возмутительное кощунство»: ограблена вделанная в стену икона Богоматери, а за разбитое стекло киота подброшена живая мышь (молва приписывает глумление «каторжному Федьке» с участием Лямшина, но сам разбойник упрекает за это младшего Верхо-

венского). В Спасо-Ефимьевском Богородском монастыре живет бывший архиерей Тихон, к которому Шатов отправил Ставрогина, и тот пошел к нему с исповедью.

Не случайно и то, что роковой скандал, завязавший романную интригу, приурочен к 14 сентября — ко дню Воздвижения Честного Креста Господня.

Сам Достоевский не назвал точной даты, но подсказал ее читателю. Первые эпизоды романа произошли в начале сентября, после чего «прошло съ недѣлю», события возобновились «на седьмой или восьмой день», в пятницу. В воскресенье, второе воскресенье сентября, к обедне съехался «почти весь городъ», была «торжественная проповѣдь» (С. 80, 84, 148, 149).

Л. И. Сараскина справедливо относит действие романа к 1869 г., но, ссылаясь на Григорианский календарь, ошибочно датирует этот день 12 сентября¹⁰, хотя по Юлианскому календарю, по которому тогда жила Россия, вторым воскресением было не 12, а 14 сентября. Ошибка Достоевского исключена: в заграничных скитаниях писатель жил по двум календарям и был чрезвычайно дотошен в расчетах — об этом свидетельствует его письмо к А. Н. Майкову из Дрездена от 16/28 октября 1869 г. (Д18, XV. Кн. II, 338–341). Кроме того, 14 сентября 1869 г. стал особым днем в семейной жизни Достоевских — в этот день родилась дочь Люба.

При очевидном пристрастии Достоевского к памятным датам воскресный праздничный день в романе значим по другим причинам. Напомним, что у Ставрогина «говорящая» фамилия («stavros» — по-гречески: «крест»). Именно в этот день, 14 сентября, могла начаться «Голгофа» великого грешника Николая Ставрогина. В его печатной исповеди и поведении, как пронизательно отметил хроникер, была «страшная, непритворная потребность кары, потребность креста, всенародной казни. А между тѣмъ эта потребность креста всетаки въ человѣкѣ невѣрующемъ въ крестъ...» (Бесы 2010, 801). Тихон хотел укрепить Ставрогина в этой потребности: «Всегда кончалось тѣмъ, что наипозорнѣйшій крестъ становился великою славой и величайшею силой, если искренно было смиреніе подвига» (Там же. С. 824). Но исповедь разрешилась не покаянием и искуплением, а новым срывом, символическим означением которого для Ставрогина стали не страсти и воскрешение Христа, а удавка Иуды.

Не случайно и то, что философские беседы с Шатовым и Кириловым происходят в доме Филиппова на Богоявленской улице — на метафизический смысл этой детали обратил внимание Ричард Пиис¹¹. В октябре

¹⁰ См.: Сараскина Л. И. «Бесы»: Роман-предупреждение. М., 1990. С. 9–57, особенно 20–23.

¹¹ Peace R. Dostoyevsky. An examination of the major novels. Cambridge university press, 1975, p. 172–173.

(«... октября») после Покрова был убит Шатов, а накануне в последнее странствие отправился Степан Трофимович. Случайно для самого героя и не случайно для автора Степан Трофимович оказывается на большой дороге, ведущей в Спасов¹², до которого так никто и не доехал, но все на этом пути исполнены светлой надежды. На этом пути в Спасов происходит сюжетное завершение «Бесов» — духовное прозрение Степана Трофимовича, авторское разъяснение заглавной метафоры и идеи романа.

На то, что название романа — символическая метафора, обращают внимание два эпиграфа: первый — отрывок из стихотворения Пушкина «Бесы» (1830), второй — евангельская притча. В пушкинских стихах речь идет о путниках, ведомых и влекомых бесами и сбившихся с истинного пути («бес нас водит»; «Сбились мы, что делать нам?»), в евангельской притче — об изгнании бесов и исцелении бесноватого. Сопряжение двух текстов дает новый смысл, который раскрывается в развитии сюжета, в рассуждениях Шатова и Степана Трофимовича Верховенского. Он однозначен: больны не только одержимые — больна Россия. Симптом болезни — атеизм и ненависть к России. Когда Империя и Церковь были еще в сиянии величия и ничто не предвещало падения и гонений, Достоевский увидел то, что было скрыто от всех, но с чего все началось. Он первый предчувствовал, какие беды народу и стране принесет религиозный кризис. В романе Петруша Верховенский обсуждает мысль Шатова: «...если въ Россіи бунтъ начинать, то чтобы непременно начать съ атеизма», — и приводит пример: «Одинъ сѣдой бурбонъ капитанъ сидѣлъ, сидѣлъ, все молчалъ, ни слова не говорилъ, вдругъ становится среди комнаты и, знаете, громко такъ, какъ бы самъ съ собой: “Если Бога нѣтъ, то какой же я послѣ того капитанъ?” Взялъ фуражку, развелъ руки, и вышелъ» (С. 218).

Во время предсмертной болезни Степан Трофимович попросил прочесть место из Евангелия от Луки «о свиньях», по поводу которого ему «пришла одна мысль»: «...это точь-въ-точь какъ наша Россія. Эти бѣсы выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней — это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours¹³. Но великая мысль и великая воля осѣнять ее свѣще, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ

¹² В 1989 г. на символическое значение названия этого неведомого и таинственного города обратила мое внимание Н. А. Натова, о чем я и писал в предисловии к изданию романа: Захаров В. Н. Мужество познания // Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Петрозаводск, 1990. С. 14. В новейшей критике символический смысл последнего странствия Степана Трофимовича, как других символов места, проанализирован Т. А. Касаткиной: Касаткина Т. А. Комментарии // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 9 т. М., 2003. Т. V. С. 721–722, ср. 717–718.

¹³ Да, Россия, которую я любил всегда (фр.).

всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже можетъ-быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... et les autres avec lui¹⁴, и я можетъ-быть первый, во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Иисусовыхъ»... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ...» (С. 613)

Конечно, это слова героя, которые, как известно, следует отличать от слов автора. Но это отнюдь не значит, что устами героев Достоевский не объяснял подчас свои заветные идеи — в данном случае концепцию романа, выраженную в его названии. Эти слова Степана Трофимовича подтверждаются словами самого Достоевского, написанными за два года до этого романного прозрения Степана Трофимовича — тогда, когда еще не была опубликована ни одна из глав романа, но сама идея была ясна: «...произошло то, о чемъ свидѣтельствуешь Евангелистъ Лука: Бѣсы сидѣли въ человѣкѣ и имя имъ было Легіонъ и просили Его: поведи намъ войти въ свиней, и Онъ позволилъ имъ. Бѣсы вошли въ стадо свиней и бросилось все стадо съ крутизны въ море и все потонуло. Когда-же окрестные жители сбѣжались смотрѣть совершившееся, то увидѣли бывшего бѣсноватаго — уже одѣтаго и смыслящаго и сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, и видѣвшіе рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся. Точъ въ точъ случилось такъ и у насъ: Бѣсы вышли изъ /Русскаго/ человѣка и вошли въ стадо свиней, т. е. въ Нечаевыхъ, въ Серно-Соловьевичей и проч. Тѣ потонули или потонутъ навѣрно, а исцѣлившійся человѣкъ, изъ котораго вышли бѣсы, сидитъ у ногъ Иисусовыхъ. Такъ и должно было быть. Россія выблевала вонъ эту пакость, которую ее окормили и ужъ конечно въ этихъ выблеванныхъ мерзавцахъ не осталось ничего русскаго» (ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 105 об.). Так твердо и определенно заявлена заглавная идея романа «Бесы» в письме Достоевского А. Н. Майкову от 9 октября 1870 г. — идея духовного исцеления России.

И это еще одно значение «хроники»: «Бесы» — роман о судьбах России. Так Достоевский продолжил другую тему русской литературы: первой «поэмой» о судьбах России были «Мертвые души» Гоголя.

Для Достоевского будущее России обусловлено поисками истинного пути.

В недавние времена часто говорили о том, что Достоевский напророчил наше советское прошлое. Увы, актуальность «Бесов» непреходяща.

Бесы бесятся, святотатцы глумятся, фарисеи фарисействуют, самозванцы рвутся к власти.

Всѣ какъ всегда. Какъ сто, какъ тысячу, какъ две тысячи летъ назадъ.

Снова бесы водятъ насъ по ложнымъ путямъ.

¹⁴ и другие вместе с ним (фр.).

Увидеть бесов нетрудно. Имя им — легион: они многолики, но узнаваемы.

Бесы не мирны, не дружны, типична ситуация: бесы против бесов.

«Бесы» — роман о каждом из нас.

Бес — каждый, кто одержим ненавистью, сеет раздор, непримирим к ближнему, нетерпим к чужому мнению, ищет войны, готов избивать, убивать, лгать, обманывать, презирать, кто лишен любви, отказывается прощать, кто забыл о Боге, предал Христа...

Роман Достоевского вооружает читателя духовным зрением, чтобы противостоять бесам так же, как смог его хроникер.

Достоевский дал почти прямой ответ, зачем сочинены «Бесы»: «Жертвовать собою и всё ради правды — вот национальная черта поколений. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том, и состоит, что считать за правду. Для этого и написан роман» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. Л. 20).

В этих словах Достоевский засвидетельствовал появление в русской жизни поколения жертвенных правдолюбцев, изрек молитву («Благослови его Бог и пошли ему понимание правды»), открыл замысел романа: «Ибо весь вопрос в том, и состоит, что считать за правду».

Есть два ответа на вопрос «что считать за правду».

Один ответ дает народная мудрость: «Правд много — истина одна».

Ответом Достоевского стала идея романа. Ее можно вычитать в метафорическом заглавии романа, угадать в символическом значении евангельской притчи об исцелении бесноватого, в сюжетной гибели бесов в романе, в романских судьбах героев, в упованиях на будущее исцеление России в устах прозревшего Степана Трофимовича, в убеждении автора, что Истина — Христос, в эмблеме романа — исцелившаяся Россия у ног Христа.

В. Захаров